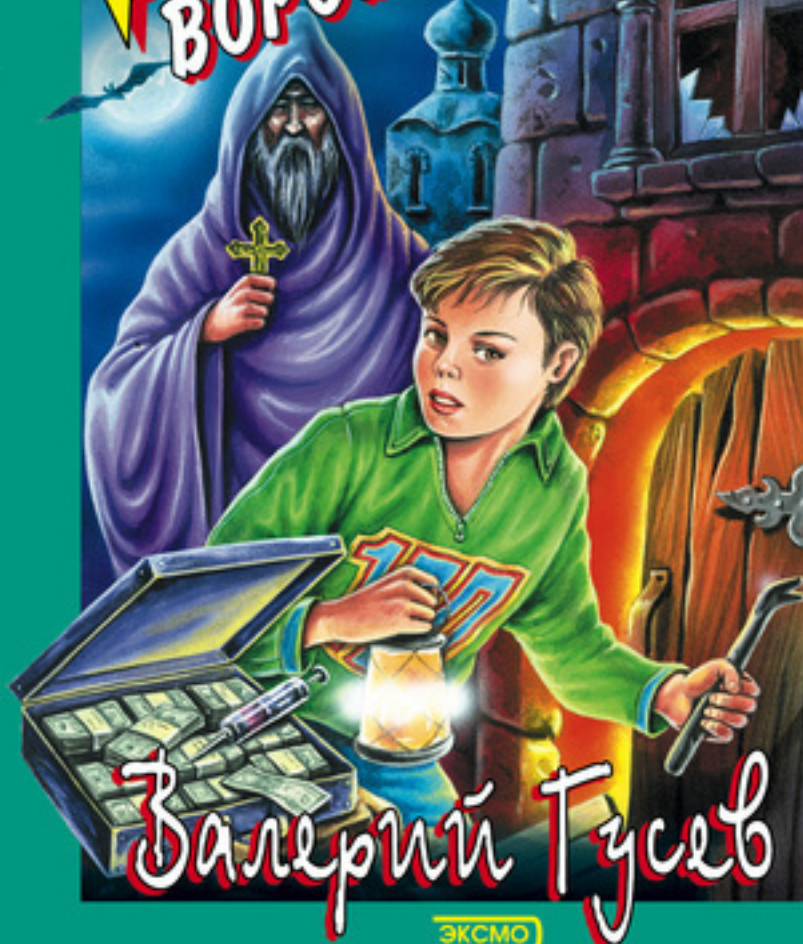




ДОКТОР ВОРОВСКИХ НАУК



Валерий Тусев

ЭКСМО

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Доктор воровских наук

«ЭКСМО»

2001

Гусев В. Б.

Доктор воровских наук / В. Б. Гусев — «Эксмо», 2001 — (Дети Шерлока Холмса)

Не было бы счастья, да несчастье помогло: не сломалась бы у Диминого с Лешкой папы в пути машина, не пришлось бы всей семье задержаться возле старинного монастыря – не довелось бы ребятам в который уже раз пережить захватывающее приключение. И то сказать, разве усидишь на месте, когда рядом с древними стенами раздается странный гул, а затем внезапно вспыхивает ослепительный свет? Да и в деревне неподалеку творятся непонятные вещи: полакомишься яблочком – и засыпаешь как убитый. `Нет, мы ни за что не уедем отсюда, не разгадав всех этих тайн!` – говорят себе братья и решают немедленно отправиться в монастырь. И вот тут-то за тяжелой дубовой дверью...

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	16
Глава V	20
Глава VI	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валерий Гусев

Доктор воровских наук

Глава I

ЛЕШАКИ С ВЕДЬМАКАМИ

Дядя Федор был классный водитель. И когда садился за руль, то сразу становился самым счастливым человеком на свете. Зато когда на дороге показывался пост ГАИ или машина ДПС (дорожно-патрульная служба), он сразу становился самым несчастным человеком. Он съеживался за рулем и поглядывал на дорогу через ветровое стекло, как испуганная птичка из гнездышка. Потому что у дяди Федора не было водительских прав. Вернее, они были, но такие старые, что даже фотография на них была чужая, какой-то женщины. Наверное, его мамы.

Вот и сейчас дядя Федор спрятался за приборной доской и прошептал нам с Алешкой:

– Отвлекайте их, отвлекайте...

Ага, отвлекайте! На прошлом посту Алешка отвлек – показал язык гаишнику. Тот сразу остановил нас и стал делать замечание. Пришлось папе показывать свое милицейское удостоверение. Это нас и спасло. Правда, на прощанье капитан сказал:

– Все-таки, товарищ полковник, детей надо воспитывать.

– Сегодня же вечером, – пообещал папа и так посмотрел на Алешку, что тот сразу нырнул под мамино крылышко. А мама сразу за него заступилась:

– Подумаешь... Язык показал. Ребенок должен развиваться свободно. Раскрепощенно. Расти как...

– Как крапива под забором, – перебил ее папа.

Ну тут у них пошел обычный педагогический спор. Мы, конечно, его слушать не стали и с интересом принялись разглядывать окрестности. А дядя Федор, повеселев, когда миновала опасность, стал радостно нас информировать:

– Не, ну вы чувствуете, друзья, что мы едем по земле древней Смоленщины. – И даже запел, как ворон на суку: – «И на старой Смоленской дороге повстречали незваных гостей...»

Лучше бы он не пел. Потому что накаркал. Впереди показались эти самые незваные гости. Дорожный патруль, остановивший для проверки громадную фуру, разукрашенную рекламами колы и пепси.

Дядя Федор тут же прикусил язык и нырнул под руль. Наверное, со стороны казалось, будто машина бежит по дороге сама по себе.

А внутри воцарилась настороженная тишина. Только мама с папой горячо продолжали свою дискуссию:

– И вообще! – говорила мама. – Ты за пятнадцать лет нашей совместной жизни ни разу посуду не помыл!

– За шестнадцать! – гордо уточнил папа. – Я каждый день по минутам помню. – Непонятно только было из его слов, чем он все-таки гордится? Тем, что ему такая хорошая жена досталась, или тем, что у нее такой хороший муж. Который за шестнадцать лет ни разу посуду не помыл.

Мама тоже задумалась, и поэтому, когда дядя Федор опять зашипел: «Отвлекайте их, отвлекайте!», она машинально высунула в окошко язык. У нее даже это лучше, чем у Алешки, получилось.

Но напрасно она старалась. Гаишники не обратили на нас никакого внимания. Они были заняты делом, проверяли остановленную фуру. Только один из них – такой маленький росто-

ком, что форма висела на нем, как драный пиджак на огородном пугале, – помахал нам полосатым жезлом, мол, проезжайте, проезжайте, товарищ водитель, не мешайте работать. Проверка, значит, на дороге.

Дядя Федор обрадовался, снова вырос над рулем и прибавил скорость. Я оглянулся и успел заметить, как водителя фуры и его напарника усаживают в милицейский «жигуленок» с мигалкой на крыше и синими буквами «ДПС-16» на борту. А за руль фуры садится коротышка Пугало.

Видно, что-то подозрительное углядели бдительные дорожные стражи. Знали бы мы заранее – что именно, наша жизнь в ближайшую неделю прошла бы намного спокойнее. Но скучнее...

А дядя Федор опять развеселился и продолжил прерванную лекцию:

– Не, ну вы, соседи, прониклись чувством, а? Мы едем по земле древней Смоленщины.

Мы изо всех сил глазели по сторонам, но никакой особой древности и Смоленщины не видели. Справа – леса, слева – поля, а среди них – деревеньки.

Дядя Федор уже приготовился снова запеть свою песню, но что-то остановило его. Он стал ерзать на сиденье, чмокать губами и кричать, будто подгонял уставшую лошадь.

А она не слушалась его и бежала все медленнее. И, наконец, вообще перешла на шаг. Даже спотыкаться начала.

Дядя Федор свернул с дороги возле указателя «Рыбхоз», на котором была нарисована золотая рыбка с павлиньим хвостом, и остановился среди травки, на лужайке, сбоку которой журчал в канаве ручеек. Он вышел из машины, поднял капот и покачал головой.

Дядя Федор был великий мастер по машинам. Вот эту он собрал на свалке и подарил ее нам после совместно пережитых приключений. Машина получилась отличная, похожая на ладный красный «Форд». Она здорово бегала, но иногда вдруг останавливалась. Тем не менее мы отважились поехать всей семьей на землю древней Смоленщины и отдохнуть у какого-то прекрасного лесного озера, где папа в дни своей молодости ловил великолепных окуней и щук.

До озера оставалось совсем немного...

– Придется здесь ночевать, Саньч, – сказал дядя Федор папе, потрогав перегревшийся двигатель. – Дальше она не поедет. Отдыхать ей пора. – И он нырнул под капот, пытаясь что-то там наладить.

Мы с Алешкой немного огорчились, нам хотелось поскорее добраться до озера, а мама обрадовалась.

– Это чудесно! – сказала она с восторгом. – Вы посмотрите – какая кругом прелесть!

Местность и вправду была красивая, вся из себя холмистая. По этим склонам, среди мшистых камней, сбегали вниз по зеленой траве березки на белых ножках. За ними высились хмурые елки. А сверху было синее-синее небо, и плыли в нем два прозрачных облачка. В общем, очень похоже на старый сказочный мультфильм про Древнюю Русь. Тем более что за елками высились какие-то живописные развалины вроде старинной крепости.

...Мы поставили палатку, перетащили в нее одеяла из машины, а папа установил газовую плитку и усадил маму готовить ужин.

– И зачем я с вами поехала? – вздохнула мама.

– А я тоже в отпуске, – напомнил папа и пошел помогать дяде Федору.

Мы с Алешкой переглянулись и улизнули осматривать окрестности. Невдалеке, тоже на холмике, стояла местная деревушка, вся заросшая садами и старыми ветлами – на виду торчали только скворечники, колодезные журавли и печные трубы. В деревне было тихо, лишь орали по очереди горластые петухи да иногда взлаивали собаки.

Мы шли по густой высокой траве, в которой как заводные стрекотали кузнечики, и чуть не наступили на живого человека.

Это был старый бородатый дед. Он лежал на подстеленной телогрейке и задумчиво смотрел в небо. Из его бороды и усов поднимался дым папиросы.

– Однако, завтра дождь будет, – пробормотал он, скосив на нас глаза.

– Кто сказал? – спросил Алешка.

– Дед Степа.

– А это кто такой? – Мы подумали – какой-то знатный метеоролог.

– А это я! – гордо ответил дед. – Вишь, как дым вьется? И комар зверует. Быть дождю.

Мы присели рядом.

– Гуляете? – спросил дед.

– Отдыхаете? – спросили мы.

– С ней отдохнешь!

– С кем?

– Козочку пасу. Вон она, – дед привстал и показал в сторону небольшого продолговатого холмика. – По самой крыше бродит.

Холмик, когда мы присмотрелись, оказался каким-то заброшенным строением.

– Овощехранилище было, – охотно пояснил дед. Ему, видно, здорово хотелось поболтать, скучно весь день одному в траве валяться. – Вот она по нему и лазает. Коза – животное горное. Она у меня в сарае не спит, все норовит на крышу забраться. Бедовая...

– Как ее зовут? – зачем-то спросил Алешка.

– Васька, – загадочно ответил дед. – Ну, гуляйте, гуляйте. Тама, – он показал в одну сторону, – прудик есть. Скупаться можно. А тама, – махнул рукой в другую сторону, – на взгорочке земляника вызрела. Гуляйте... Токо к монастырю не ходите. – И показал на развалины.

– А почему туда нельзя? – спросил Алешка. – Интересно ведь...

– Плохое там место, – дед покачал головой. – Энтот монастырь с самого начала не удался. То его татары разорят, то еще кого лихоманка нанесет... Забросили его. Ну и, как надо быть, заселила его всякая нечисть, ведьмаки да лешаки. Черный монах ночами бродит, все что-то ищет. А самая беда – в войну там склад был. Его, конечное дело, прибрали, но чтой-то осталось, нет-нет – и рванет. Надьсь тама один бродяга ночевать вздумал. Он здесь всякий боеприпас собирал и торговал им на рынке. Вона, видите, крайняя башня, с дыркой? Вот он там обосновался, костер разложил: как бахнуло – ни костра, ни бродяги. Одна дырка осталась.

– Убежал со страху? – спросил Алешка.

– Скорее – улетел, – ехидно уточнил дед. – Ну, гуляйте, гуляйте. А то дождь скоро.

Мы поднялись на «взгорочек» и набрали маме земляники. А «скупаться» не пошли. Потому что как-то быстро стемнело кругом. Два бывших облачка – мы и не заметили – соединились и разрослись в одну темно-синюю тучу. Она закрыла полнеба. И так плотно, что солнце сквозь нее не просвечивало, только окрашивало ее края в какой-то тревожный бордовый цвет.

Кругом торопливо заквакали лягушки. Заскрипела где-то в траве ночная птица. Стало как-то неуютно.

– Наколдовал дед, – сказал Алешка. – И коза у него странная – Васька! Пошли домой, Дим.

Мы спустились со «взгорочка» и направились к нашей стоянке. По дорожке, в сторону деревни, шустро семенил дед Степа. Коза Васька подталкивала его рогами в зад.

Совсем стемнело.

– Дим! – Алешка вдруг схватил меня за руку. – Смотри!

В дырке крайней башни вдруг мелькнул слабый огонек. И было в этом что-то жуткое.

Развалины монастыря на фоне черной тучи, которая иногда озарялась беззвучными молниями, выглядели зловеще. Впору было поверить деду, что там и в самом деле гнездятся лешаки с ведьмаками. А кто еще в такую погоду туда ползет?

В общем, мы здорово прибавили шагу. И мне почему-то почудилась сзади какая-то неведомая опасность. Будто кто-то таинственный и недобрый спешит за нами, чтобы за чем-то догнать...

С каким облегчением мы увидели свет в нашей палатке!

– Набегались? – спросил папа. Он устраивал в машине спальные места для себя и дяди Федора, часть которого все еще торчала из-под капота. – Что новенького?

– В монастыре, – сообщил Алешка, – нечистая сила завелась.

– Какая прелесть! – сказала мама, высунув голову из палатки. – Как романтично! «Преданья старины глубокой».

– Ага, – сказал Алешка, отдавая маме землянику, – преданья... Там шляется кто-то. С огоньками.

– Пацаны небось лазют, – высказался дядя Федор из-под капота. – Вроде вас.

Кто бы там ни лазил, подумалось мне, а уж я туда не полезу. Как грянет – одна дырка останется.

... Не знал я тогда, что в этом монастыре мы с Алешкой проведем далеко не самые лучшие и безопасные дни в своей жизни...

Ночью мне понадобилось выбраться из палатки. Алешка составил мне компанию. А когда мы уже собрались вернуться под одеяла, вдруг не совсем вдалеке послышался какой-то странный шум. Будто где-то что-то кто-то бормотал во сне. Такой большой и сердитый, вроде грубого людоеда-великана.

– Слышишь? – шепнул Алешка.

– Видишь? – шепнул я.

Развалины монастыря вдруг на короткое мгновение озарились каким-то странным сильным белым светом, который тут же погас. И тут же заглохло сердитое бормотание великана.

Будто он повернулся на другой бок.

Мы шмыгнули в палатку и нырнули под одеяла...

А утром дядя Федор вздохнул над двигателем, сдвинул набекрень свою ушастую шапку и грустно сказал:

– Придется нам здесь погостевать малость...

Глава II

ВЕСЕННЯЯ СЕЛЕДКА

После завтрака дядя Федор уехал на попутной машине в город, покупать какие-то запчасти для двигателя. А мы стали обустраиваться на житье. Мама, конечно, немного поворчала, но смирилась и сказала, что здесь нисколько не хуже, чем на озере, которого она никогда не видела, и рядом деревня, где можно купить молока и свежих яиц. Эта идея ей очень понравилась, и она стала собираться на промысел.

А мы с Алешкой все время с опаской поглядывали в сторону монастыря, на его разрушенные башни и полуразрушенные стены. Все-таки такое заколдованное соседство с лешаками и ведьмаками нас не очень радовало. Хотя полазить в развалинах и поискать в них чего-нибудь древненького, вроде ржавого меча или кривой сабли, было бы неплохо. Тем более что днем, при ярком солнце, монастырь вовсе не казался мрачным и угрожающим. Его скорее было жалко из-за заброшенных развалин, в которых когда-то кипела жизнь, а теперь водится всякая нечисть.

Лешка, видимо, подумал о том же, потому что спросил маму, которая сидела у палатки и старательно, глядя в зеркальце, разрисовывала себе лицо, будто не в деревню за молоком собиралась, а на фирменную дискотеку:

– Мам, а что такое монастырь?

Мама придирчиво рассмотрела свой автопортрет и, занятая творчеством, ответила:

– Ну... там люди живут и богу молятся.

– Если бы только это! – хмыкнув, высказался папа.

– А раз ты такой умный, – обиделась мама, – вот ты им и расскажи.

– Расскажу, – пообещал папа. – Только сначала тебе. Одну давнюю, но поучительную историю... Жил-был один маленький мальчик. Такой маленький, что еще не умел говорить...

– А звали его Сереженькой, – подначила мама, имея в виду, что папа рассказывает о себе.

– Неважно, как его звали. А важно то, что в один прекрасный весенний день мама поднесла его на ручках к окну и сказала: «Смотри, Сереженька, весна!» Сереженька глазками луп-луп и даже засмеялся, когда чихнул от яркого солнечного света...

– Какие милые подробности, – съехидничала мама и стала доводить до совершенства свои длинные ресницы.

– И вот прошло довольно много времени, – продолжил папа, – и Сережа, уже прекрасно болтавший на русском языке, забегает в комнату, полную гостей, видит на столе селедку, тычет в нее пальцем и восторженно вопит: «Весна! Весна!»

– Глупость какая! – почти рассердилась мама. А мы уже хихикали, понемногу догадываясь, где здесь собака зарыта.

– И вовсе не глупость, – объяснил папа. – Когда мама подносила Сережу к окну и ворковала: «Весна, весна», за окошком висела селедка в пакете.

– Так! – Мама сначала рассмеялась, а потом грозно блеснула красиво накрашенными глазами. – К чему это ты все рассказал?

– К тому, что, когда что-то объясняешь детям, нужно это делать так, чтобы потом не пришлось их переучивать. Чтобы они весну селедкой не называли.

– Ах, вот как! – Мама сердито подхватила бидончик для молока и сетку для яиц и пошла по тропинке в деревню.

– Осторожнее! – крикнул ей вслед Алешка. – Там коза Васька живет! Бодучая.

А папа присел у затухшего костра, закурил и стал рассказывать нам про монастыри. обстоятельно и подробно. Чтобы потом нас не переучивать. Чтобы мы весну селедкой не обзывали.

Но рассказывал он очень скучно, одними фактами. Он только при маме красноречивый, а перед нами-то что стараться? И поэтому мы слушали очень невнимательно, а для вида с умными лицами кивали головами.

– ...Монастырь – это, ребята, государство в государстве, со своим уставом, со своими промыслами и заботами...

У меня уже голова устала кивать. А Лешка, похоже, дремал с открытыми умными глазами.

– ...Огромную роль выполняли монастыри в качестве оборонительных сооружений. Их и строили в виде крепостей, с башнями и крепкими неприступными стенами...

Алешка вдруг так кивнул, что чуть не врезался лбом в столик. Он вскинул голову и сказал с ясными глазами:

– Как интересно! А вон мама идет!

Но мама не шла. Она бежала. А за ней скакала коза Васька, волоча на веревке деда Степу.

– Тпру! Стой, оглашенная! – орал дед, семена за козой. – Тормози!

Мы бросились маме на помощь. Я подхватил бидончик, Алешка – сетку с яичками, а папа маму. И мы благополучно удрали от агрессора Васьки.

Коза с сожалением посмотрела нам вслед и повернулась к деду. Ну и началась другая погоня.

Мы вернулись к себе, отдышались.

– Ну и коза, – сказал папа. – Настоящий козел! Крутой!

Мама поправила растрепавшиеся волосы и объяснила:

– Мне дед рассказал. Когда эта коза была козленком, все думали, что это козлик, и назвали его Васькой. А потом оказалось, что это козочка. И она уже привыкла к своему мужскому имени.

– И характер себе козлиный оставила, – сказал папа. И спросил, мне показалось, не столько с опасением, сколько с надеждой: – Она тебя не боднула?

– Не надейся! – сказала мама. – Я увернулась. Давайте молоко пить.

Молока в бидончике осталось всем по полкружки, а яиц и того меньше.

– Теперь вы будете за молоком ходить, – сказала нам мама. – Я этого... эту козу с козлиным именем видеть не могу. – Она немного подумала и добавила: – И вообще, у меня есть подозрение, что дед эту Ваську нарочно на меня натравил.

Тут с обратной попутной машиной вернулся дядя Федор, привез необходимые для ремонта запчасти. Выпил свои полкружки молока и полез под капот.

– Тебе помочь? – спросил его папа.

– Ага, – ответил дядя Федор. – Самая твоя главная помощь, Саныч, – не мешаться.

Папа обрадовался и вытащил из машины свои удочки.

– Кто со мной на пруд? – весело спросил он.

Алешка лицемерно вздохнул:

– Что ж, иди на рыбалку. А мы маме по хозяйству поможем. Кому-то ведь надо...

– Молодцы! – похвалил нас папа.

Как только он отошел подальше, Алешка тут же всунул голову в палатку, где мама наводила порядок, и сказал:

– Ма, мы с папой пойдем, а то он пруд не найдет. Ладно?

Мама ничего не ответила, только вздохнула.

И мы помчались к монастырю, который властно чем-то нас притягивал. Наверное, своими жуткими историческими тайнами. И всякой нечистой силой.

Монастырь оказался гораздо дальше, чем нам казалось. И чем ближе мы к нему подходили, тем выше, неприступнее и величественнее становились его грозные, местами почти развалившиеся стены.

Дорога к монастырю, на которую мы в конце концов выбрались, тоже была старая, засыпанная мелкой щебенкой, которая похрустывала под ногами и сквозь которую пробивалась всякая зеленая трава. Но мне показалось, что по этой дороге все-таки кто-то проезжал – кое-где трава была явно примята колесами.

Дорога привела нас к высокой башне с воротами. Самих ворот, конечно, не было, был только широкий проем, а по краям его сохранились мощные ржавые штыри, на которых когда-то висели тяжелые дубовые створки ворот, схваченные стальными полосами.

Здрав головы, мы постояли перед этой башней, делая вид, что с интересом ее разглядываем. Но это было верно только отчасти. Потому что мы никак не могли решиться пройти внутрь. Побаивались, прямо скажу.

По верху башни сохранилось несколько массивных зубцов. Среди росли кудрявые березки, а на них беззаботно щебетали птицы. И это нас как-то успокоило. Раз уж птицы щебечут, значит, никакой опасности поблизости нет.

Мы вошли под своды башни, и сразу же наши шаги стали громкими и весомыми – так гулко здесь было. А в стенах, напротив друг друга, были пробиты две сводчатые двери, тоже с остатками петель. За дверьми полуразвалившиеся ступени вели наверх. Но туда мы пока не пошли. А вошли на широкий и пустой монастырский двор.

Он был весь покрыт обвалившимися старинными камнями, среди которых буйно раскустились громадные лопухи.

Здесь было тихо и как-то торжественно. Дорога от ворот вильнула куда-то в сторону и скрылась среди руин и лопухов.

Мы осмелели и стали бродить по двору, присматриваясь – не попадет ли на глаза какая-нибудь древняя реликвия.

Реликвии нам не попадались. Зато полным-полно было симпатичных ящериц. Они грелись на камнях и шустро скрывались в трещинах, как только мы подходили поближе.

Алешка так ни одной и не поймал. Зато из-за большого камня, заросшего зеленым мхом, вытащил какую-то странную картонку, в которой были прорезаны какие-то странные дырки, похожие на непонятные, небывалые буквы. Алешка повертел ее в руках и хотел было уже зафинтилить куда-нибудь подальше, но случайно перевернул ее другой стороной, измазанной высохшей синей краской. И сразу же загадочные буквы стали совсем обычными: «ДПС-16». Где-то мы их совсем недавно видели.

– Чего это такое, Дим? – спросил Алешка. – Я думал, какая-то древность.

И я тут же вспомнил. Эти буквы и цифры мы видели на борту гаишного «жигуленка», когда проезжали мимо остановленной гаишниками для проверки фуры. ДПС – дорожно-патрульная служба.

– Это трафаретка, – объяснил я Алешке. – С ее помощью буквы наносят. Прикладывают, а прорези краской мажут. Понял?

– Понял, – сказал он задумчиво. – А как она сюда попала? Что, по-твоему, гаишники сюда загнали свою машину и здесь ее красили, этими буквами, да?

– Выходит, что так... Только зачем?

– А чтобы никто не видел, – сказал Алешка.

Вот это мне уже не понравилось! И стены старого монастыря уже не казались безобидными. Они были молчаливыми свидетелями какой-то тайны. И вовсе не древней.

– Пошли-ка отсюда, – сказал я. – Пока не поздно.

Мы засунули эту трафаретку в щель между камнями и, озираясь, выбрались на дорогу.

И до самого нашего пристанища шли молча, раздумывая. Еще не догадываясь, что эта испачканная краской картонка стала вторым звеном в цепи загадочных и опасных событий.

Глава III НОВОСТИ НА ДОРОГЕ

Когда мы вернулись к себе, дядя Федор (вернее, только часть его) торчал из-под капота, мама жарила на газовой плитке яичницу, а папа объяснял ей, какие крупные караси все время срывались с его удочки. А вот если бы они не срывались, то мама сейчас жарила бы не яичницу, а рыбу.

Дядя Федор целиком вылез из-под капота и заметил на это, что вот после обеда они с Саньчем пойдут на пруд вместе и уж тогда точно на ужин будут громадные – он даже руки во всю ширь развел – караси.

– Ага, – с улыбкой соглашалась мама. – Будут караси на ужин. Если опять не сорвутся. А пока ешьте яичницу.

За обедом дядя Федор рассказал «веселенькую» историю, которую подслушал на посту ГАИ, где ловил обратную попутку. Оказывается, на шоссе, не так далеко отсюда, бесследно исчезла громадная фура, битком набитая телевизорами «Сони».

– Там этих телевизоров, – рассказывал дядя Федор, наворачивая яичницу, – на огромные тыщи баксов.

– И как же она исчезла, эта фура? – заинтересовался папа.

– А никто не знает. Исчезла – и все. На каком-то километре, не запомнил.

– Если никто не знает, как она исчезла, – встrepенулcя Алешка, – то откуда известно, что она исчезла?

– Не понял, – признался папа.

– А я понял, – сказал дядя Федор. – Это ее водитель рассказал. Они вместе с напарником пришли на пост. Без документов, вообще – без ничего. И говорят: машина пропала, вместе с грузом. Как пропала? А мы, говорят, ничего не помним.

– Безобразие! – сказала мама. – За рулем! В дороге!

– Да нет! – заступился за водителя с напарником дядя Федор. – Ничего они такого не пили. Просто вдруг память потеряли. Говорят, будто неожиданно уснули и проснулись в стороне от дороги, под кустом.

– Враки! – сказал решительно Алешка. – Небось продали кому-нибудь всю машину со всем грузом. И врут всю. Сказки рассказывают.

– А вот и нет! – опять заступился за водителей дядя Федор. – Их врач осматривал. И сказал: да, временная потеря памяти.

Папа внимательно слушал этот разговор, но в него не вмешивался, наверное, потому, что был в отпуске. Он задумчиво скреб вилкой в тарелке и немного хмурился. А потом спросил дядю Федора:

– Это первый такой случай?

– А я знаю? Что подслушал, то и рассказал. Пошли лучше на рыбалку.

– И мы с вами, – сказал Алешка.

– Нет уж, – сказала мама. – Вы-то как раз в деревню пойдете, за молоком.

– Козы боишься? – засмеялся Алешка.

– Никого я не боюсь, – рассердилась мама. – Мне посуду надо помыть.

Дядя Федор и папа забрали удочки и пошли на пруд, а мы забрали бидон и пошли в деревню.

Она была небольшая. Уютная такая. И называлась почему-то Пеньки. Правда, пеньков в ней почти не было, а были густые сады с яблоками, собаки в каждом дворе и лавочки у калиток. А людей почти не видно. И козы Васьки, к счастью, тоже.

Наконец, у одного покосившегося дома мы увидели на лавочке бабульку, которая изо всех сил на этой лавочке спала и во сне шустро вязала на спицах длинный носок.

– Здрасьте! – гаркнул я.

Бабушка вздрогнула и проснулась.

– Здравствуй, милоч, – сказала она.

– Вы не скажете, где нам можно молока купить?

– А где хотите. Только у доктора ни за что не берите. Даже если даром предложит.

Это интересно.

– А почему?

– У них корова странная. Кто ее знает – какое у ней молоко? Может, тоже странное.

Еще интересней. Бабушка во сне носок вяжет, козу Васькой зовут, а у доктора корова странная.

– Она чего, – спросил Алешка, – сильно бодучая?

– Не, мирная. Но она у него, – охотно пояснила бабуля, не переставая вертеть спицами, – в спячку впадает. Как медведь. Но у него такой порядок, а Милка ни с того ни с сего. Идет, бывалоча, с пастбища, вдруг – бух посреди деревни – и спит. Храпит даже.

Мы переглянулись и пожали плечами.

– А у вас можно молока купить? – спросил я. – У вас корова не странная?

– Нормальная, – бабулька беззвучно пошевелила губами, считая петли. – Только колбасу очень любит. Вареную, правда.

– Ладно, – решил Алешка. – Дальше пойдем. Поищем что-нибудь попроще.

– Ну и с богом, – сказала бабулька и принялась рассматривать свой безразмерный носок. – Эж я перестаралась. Ладно, пушай теперь чулок будет.

Чуть мы отошли подальше, Алешка хихикнул:

– Дим, спорим, когда обратно пойдем, у нее уже не чулок, а целые штаны получатся. Ну и Пеньки!

Около веселого синего домика с белыми резными наличниками мы снова остановились. Я постучал в окно. Из окна выглянула женщина и спросила, чего нам надо. Мы сказали.

– Да хоть даром берите, – сказала она и захлопнула окно.

Мы немного подождали. А потом много подождали. Женщина все не появлялась. Я опять постучал в окно.

Через некоторое время женщина все-таки выглянула:

– Чего вам?

– Молочка. Вы же обещали.

– Ой! – спохватилась она. – А я заснула. Чего вы смеетесь?

– Тетенька, – простодушно спросил Алешка, – вас не Милой зовут?

– С чего ты взял? – удивилась она и смачно зевнула. – Ирина я. Петровна. Давайте бидон-то. Прямо вы какие-то сонные.

Я, правда, не очень уже верил, что эта Ирина Петровна в самом деле вынесет нам молока. Но все-таки вынесла. Отдала бидончик и спросила:

– А яблочек не надо?

– А почему? – спросил я.

– А как и молоко – даром. У нас яблок – тоже завались. – Она опять исчезла и вернулась с полным ведром громадных краснощеких яблок. – Только ведро потом занесите.

Мы поблагодарили ее и пошли к себе. А сзади опять раздался сочный зевок и лязгнули зубы. Алешка даже подскочил. И сказал:

– Не хватало нам еще козу Ваську встретить.

Когда мы вернулись, мама варила на ужин кашу, а дядя Федор и папа в два голоса мечтали:

– Эх! У меня такой карась сорвался, кило на два...

– Это у меня на два, твой на полтора тянул... Хороша бы жаренка была!.. Не то что каша... Завтра на утреннюю зорьку пойдем...

– Ага, утром знатный клев!

Мама слушала, улыбалась и помешивала варево ложкой. А наши великие рыболовы жадно принюхивались к аромату разварившейся гречневой каши.

Нас, конечно, похвалили за молоко и особенно за краснощекие яблоки, которые пришлось очень кстати.

Мы поужинали гречневой кашей, напились молока. А дядя Федор молоко пить не стал и опять полез под капот нашей малышки.

– Тута работы, братцы, на два дня, – «обрадовал» он нас, позвеневав инструментами.

А папа в ответ заливисто, как Ирина Петровна, зевнул. И даже зубами лязгнул. И объяснил:

– Это от свежего воздуха.

Тут и мама подключилась и объяснила по-своему:

– Это у меня от готовки и от посуды. До зевоты надоели.

Мы с Лешкой в это время отошли в ближайшие кустики, и он мне сказал:

– Здорово. Они все сейчас уснут, а мы с тобой будем наблюдать за монастырем, что там за свет такой? И кто там по ночам бродит? – И он зевнул почище дяди Федора.

Я согласился и тоже зевнул.

Мы забрались в палатку, где уже вовсю спала мама, уставшая от посуды, хорошенько укутались в одеяла и через две минуты совершенно забыли про таинственный свет в монастыре...

Глава IV

ЧЕРНЫЙ МОНАХ

Утром меня разбудили звон инструментов и ворчание дяди Федора под капотом, пение птиц и мамин голос:

– Давно я так хорошо не спала. Прямо как в детстве.

А папа ей ответил:

– И я здорово выспался. Даже весь вчерашний день забыл. Мы очень много рыбы наловили?

Мама помолчала, вспоминая, и ответила:

– Очень. Две бочки.

– А где они?

– Не помню.

Тут дядя Федор отозвался от машины:

– Будет вам. Вы прямо как эти водилы с фуры, ничего не помните. Никакой рыбы мы не наловили. Все еще впереди.

– Правильно, – сказал папа. – Пошли?

Я выглянул из палатки. И успел заметить, как за кустами движутся к пруду два длинных удилица, и услышал теряющийся вдали голос дяди Федора:

– Не, Саныч, мы сейчас этих карасей тыщу штук на завтрак наловим.

– Не, – ответил далекий папин голос. – Так много не надо, нам столько не съесть. Сотню-две – и хватит.

– Годится, – согласился дядя Федор. – А что не съедим, то на запчасти сменяем.

Я разбудил Лешку, и мы выбрались из палатки.

Кругом было здорово. Над головой – чистое небо и в нем мелькают ласточки. В траве блестит роса такими радужными капельками. В деревне лают собаки, звенят ведра и орут петухи. А мама жарит на плитке картошку.

– Доброе утро, – сказала она, откидывая со лба прядь своих красивых волос. – Как спали?

– Как дети, – сказал Алешка. – Мне самолет с крыльями приснился.

– А мне, – добавил я, – машина с колесами.

– Удивительные сны, – засмеялась мама. – Садитесь завтракать. Только умойтесь хорошенько.

Мы сбегали к ручью и так хорошо умылись, что вернулись мокрые с головы до ног.

– А чего ты картошку жарить? – спросил Алешка. – Давай карасей подождем. Сто штук. Хватит?

– Долго ждать придется, – вздохнула мама. – А если уж дождемся, то мы их лучше продадим и купим на эти деньги колбасы.

– А кто продавать будет? – спросил Алешка.

– Ты, – ответила мама, накладывая ему полную миску поджаристой картошки. – Выйдешь на дорогу, сядешь на обочине и запоешь: «Сами мы люди не местные...»

Алешке идея понравилась. Но он внес свои коррективы:

– Лучше вы с папой сядете на обочине, у вас все равно отпуск. А дядя Федор будет бегать вокруг и приговаривать: «Ах, какие рыбки! Прямо золотые. По два кило штука!»

Мы посмеялись, доели картошку и пошли на ручей мыть посуду. И поняли, что не такая уж это беда, что мы тут застряли. Даже наоборот. Место очень красивое. Деревня Пеньки веселая. В пруду все время караси с удочек срываются. А совсем рядом – старинный монастырь, полный загадок и тайн.

Когда мы вернулись, папа и дядя Федор наворачивали картошку и хвалились, сколько бы они наловили карасей, если бы...

– Подсекаешь слабо, Саныч, – ворчал дядя Федор. – Карась – рыба не простая, он только ловкому рыбаку дается.

– А ты много подсек? – спросил папа.

– Не считал, – отмахнулся дядя Федор. – Но поболе твоего.

– А где рыба-то? – спросил Алешка, заглядывая в пустое ведро.

– В пруду, – сказала мама. – Отныне и навеки.

– Не преувеличивай, – обиделся папа. – Все хорошее еще впереди.

У дяди Федора научился.

– Зато поспали хорошо, – поддержал его дядя Федор. – А я вот долго не засыпал. Все мечтал. О новой машине.

Эти мечты у дяди Федора – постоянные. В нашем доме, а может – и во всем районе, дядя Федор самый лучший автомеханик. А свою машину никак в порядок не приведет. Все у него времени не хватает. Потому что он всем другим водителям без конца помогает. Как во двор ни выйдешь, дядя Федор то под чьей-нибудь чужой машиной лежит, то из-под капота попой торчит. И главное – всем бесплатно машины ремонтирует. Как он говорит, из любви к искусству.

А дядей Федором его прозвали за доброту и простодушие. И за то, что все время ходит в шапке с ушами. Одно ухо у нее висит, а другое вверх задралось. В общем, здорово на симпатичную дворнягу похоже. Но, конечно, Шариком его называть неудобно, а «дядя Федор» прижилось.

В общем, он очень хороший человек. Только вот рыба у него все время с крючка срысывается.

Тут мама все мечты прервала, дала нам пустое ведро из-под яблок и велела отнести его в деревню.

– Там коза, – попытался упереться Алешка.

– Она уже давно в самые дальние леса убежала, – сказала мама. – Как только узнала, что ты здесь объявился.

Мы взяли ведро и, как послушные дети, пошли по тропке в деревню Пеньки. А как только скрылись от маминых глаз, сразу, как непослушные дети, свернули к монастырю, который здорово нас привлекал своими тайнами. И романтической стариной, как сказала бы мама.

...В этот раз монастырь нам еще больше понравился. Всем своим видом. Он, хоть и был разрушен веками, все равно красовался своей мощью. Толстенные и высокие стены, угрюмые башни с бойницами, из которых выглядывали не пушки и всякие самострелы, а кудрявые приветливые березки, которые неизвестно на чем там растут.

– Во! – сказал Алешка. – Попробуй такую крепость взять, да? Просто так на стену не залезешь, а уж когда в тебя стрелы летят и кипяток на голову льют... Ты бы полез?

Мы согласились – что да, не полезли бы. Но тем не менее, войдя в ворота, заглянули в боковые ходы воротной башни.

Там шли вверх крутые, развалившиеся ступени, заваленные обломками камней и какими-то железяками.

Недолго думая, мы полезли по ступеням. Они уже все распатались и гулко постукивали под нашими ногами.

На самом верху у этой воротной башни была площадка, огражденная каменными зубцами. И здесь тоже березки росли. И ящерицы на зубцах грелись.

– Здорово, да? – сказал Алешка, когда мы подошли к самому краю и стали обозревать окрестности.

Вокруг, во все стороны и во все дали, лежала земля древней Смоленщины. Кругом были просторы. Леса, поля, деревни. Блестели под солнцем изгибы рек. Сверкали пруды и озера. Тянулось невдалеке неутомимое шоссе, по которому бежали и бежали всякие машины.

Кругом было безлюдье... Но не во дворе монастыря. Мы вдруг услышали какой-то стук и, повернувшись, увидели, как неизвестно откуда появился человек в черной куртке с капюшоном на голове.

– Черный монах! – шепнул Алешка и присел за каменным зубцом.

Я тоже пригнулся и стал наблюдать.

Человек в черной куртке, откинув на спину капюшон, вытащил из кармана блокнот и стал, поглядывая по сторонам, что-то в нем рисовать и записывать.

– Шпион? – спросил меня Алешка.

Ну да – шпион. Тоже мне, объект для разведки – старые развалины. Я об этом нашептал Алешке в ухо. А он мне в ответ:

– Ну и что? Может, он здесь старинный клад ищет? И на свою родину его увезет? Нет, что ли?

Тем временем неопознанный «шпион» стал замерять рулеткой разбросанные камни и записывать замеры в блокнот. Ну уж камни-то он на родину не потащит...

Я неосторожно переступил с ноги на ногу, со стены сорвался камушек, шмыгнул между зубцами и звонко упал вниз. Черный монах поднял голову и спросил:

– Ну и что?

Мы, затаившись, промолчали. А потом все-таки выглянули из-за зубцов.

– Нашли что-нибудь интересенькое? – спросил незнакомец. – А я нашел. Спускайтесь – покажу.

Вид у него был вполне безобидный. На шпиона не очень похож. Узенькая бородка с редкой сединой, очки на кончике носа и веселые глаза. Впрочем, как выглядят шпионы, мы все равно не знали, не видели их живьем ни разу. Ни одного.

Мы спустились в монастырский двор и подошли к незнакомцу.

Он с интересом оглядел нас поверх очков и сказал, слегка наклонив голову:

– Афанасий Ильич. А вас я уже знаю по именам. Дима и Алеша, верно?

– Откуда вы знаете? – насторожился Алешка, подозревая все-таки в нем шпиона.

– От вас самих. Вы так звонко перекликались...

– А чего вы нашли? – спросил я.

– Много чего! – Он снял с плеча сумку и раздвинул «молнию». И стал доставать свои находки.

Ничего там особенного не оказалось, на первый взгляд: какие-то камешки, черепки, железячки. Но у нашего нового знакомого блестели глаза и даже подрагивали пальцы, когда он перебирал свои «сокровища».

– Вот это, – он показал нам замысловатый черепок с загогулиной, – это фрагмент глиняной кружки. Лет четыреста ей, не меньше.

– Я таких фрагментов, – пренебрежительно сказал Алешка, – сто штук вам на свалке наберу. Даже поновее, чем четыреста лет.

Но Афанасий Ильич только снисходительно улыбнулся.

– А вот это, – и он протянул Алешке круглый черный камень, величиной с теннисный мячик, – это настоящее пушечное ядро шестнадцатого века, кованое.

– Бульжник, – поморщился Алексей и, принимая камень, едва не уронил его мне на ногу – такой он оказался тяжелый.

– Чугун, – пояснил Афанасий Ильич. – Я это ядро из западной стены выковырял. О чем это говорит? – и он ткнул Алешку пальцем в грудь.

– О чем, о чем? – проворчал Алешка, возвращая ядро. – Что стены из ядер строили, что ли? Чтобы покрепче были...

Афанасий Ильич улыбнулся. Улыбка у него хорошая была – снисходительная такая, но не обидная. От такой улыбки дураком себя не чувствуешь.

– Это говорит, ребята, о том, что монастырь в далекие времена подвергался осаде. Враги обстреливали его из пушек, вели подкопы под стены и взрывали их бочками с порохом, шли на приступ... Вы вообще-то знаете, что такое монастырь?

– А как же! – заносчиво похвалился Алешка. – Это государство в государстве. Там монахи живут. Богу молятся. Промыслы всякие...

Афанасий Ильич внимательно и даже с некоторым почтением посмотрел на него:

– Откуда такие сведения, коллега?

– Из разных источников, – уклонился Алешка от прямого ответа, чтобы не подвести папу – вдруг эти самые сведения не соответствуют действительности.

– В целом ты прав, – согласился Афанасий Ильич. И достал еще одну реликвию, бережно завернутую в мягкую чистую тряпочку. – Самая главная находка, – пояснил он и, развернув тряпочку, показал нам большой красивый медный крест, весь позеленевший от древности. – Не исключено, что этот крест носил на груди сам настоятель монастыря.

И еще он показал нам два здоровенных гвоздя. Очень необычных. У них были мощные квадратные шляпки, и сами гвозди в сечении тоже были квадратные. Ну очень старинные...

Мы уселись на теплый гладкий камень, согнав с него пригревшихся на солнышке ящериц, и Афанасий Ильич, набив и раскурив трубку, стал нам рассказывать про монастыри. Хотя мы об этом его и не просили...

Глава V

«ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ...»

Афанасий Ильич не был никаким шпионом и никаким археологом. Он был архитектором, знатоком старинных зданий и сооружений и специалистом по их восстановлению и реставрации.

Сюда, на землю древней Смоленщины, он приехал, чтобы составить описание монастыря и подготовить свои научные соображения по его восстановлению. Потому что этот монастырь, заброшенный и полуразрушенный, представлял собой необыкновенную историческую ценность. Он был типичным монастырем – крепостью на смоленской земле и ограждал всю Русь от всяких нашествий с Запада: от литовцев, поляков, шведов и других завоевателей. Недаром город Смоленск, обнесенный высокой стеной, издавна называли «ключом государства Московского». Он стоял на пути всяких интервентов, с самой глубокой древности и до наших дней.

– Ведь не случайно, – говорил, попыхивая трубкой, дядя Афоня, – монастырская архитектура чаще всего была крепостной. Высоченные стены, почти в пятнадцать метров; крепкие, толстые. У основания они достигали пяти метров толщины, представляете?

– Ага, – сказал Алешка. – У нас в Москве самая большая комната как раз пять метров в длину.

Это он хорошо запомнил, когда еще совсем мальцом мечтал достать где-нибудь небольшого динозаврика. Но папа его быстренько разочаровал. Он сказал, что пять метров – это даже на один динозаврий хвост маловато.

– ...А башни строили, – продолжал архитектор, – высотой в тридцать метров. Это десятиэтажный дом!

– Знаем, – сказал Алешка. – Уже полазили, по зубцам попрыгали. Только они что-то не крепкие, шатаются. От старости, наверное.

– А вот и нет! – воскликнул Афоня. – Вы думаете – что?

– Что мы думаем? – спросил недоуменно Алешка.

– Вы небось думаете, что зубцы на стенах и башнях нужны были при обороне только для того, чтобы за ними стрелки прятались, да?..

Да, подумал я, не белее же между ними сушиться вешали.

– А вот и нет! – Архитектор увлекся рассказом, как ребенок, даже трубка у него погасла. – Зубцы эти нужны были на самый крайний, критический случай. Представляете, нападающие преодолели обстрел, перебрались через глубокий ров у самой стены и ринулись на приступ. – Он вскочил и, размахивая трубкой, стал прямо-таки изображать этот самый приступ. – Они приставляют к стенам штурмовые лестницы и лезут вверх, как муравьи. Прикрываясь щитами от стрел и камней, а то и от кипятка, которым нещадно поливают их защитники крепости... Врагов все больше и больше. Они облепили все стены и лезут все выше и выше. Иные уже добрались до самого верха, до гребня стены; кричат, визжат, машут саблями...

Мы сидели с Алешкой, как в театре, на сцене которого очень образно дядя Афоня разыгрывал сцену осады старинной крепости. Здорово у него получалось. Мы даже на всякий случай отодвинулись подальше, чтобы он в пылу боя не зацепил нас своей трубкой, которой размахивал, как острой саблей с окровавленным клинком.

– ...Защитники крепости копьями и специальными шестами, вроде двузубых вилок, пытаются опрокинуть лестницы, оттолкнуть их от стены. Но – поздно! Они все усеяны врагами, тяжесть их велика, опрокинуть лестницы не хватает сил. И тогда бородатый воевода, в кольчуге и шлеме, кричит громовым голосом: «Навались, робяты!» И «робяты» наваливаются, подсовывают под зубцы кто копьей, кто мечи и сбрасывают их со стены. Огромные тяжеленные камни

обрушиваются и летят вниз, сметая все на своем пути. Шум, треск, вопли... Обломки лестниц, вражеские воины, оружие – все обрывается и грохается на дно рва...

– Здорово, – сказал Алешка. – Ни за что бы на стены не полез.

– Да я бы тоже, – усмехнулся дядя Афоня. – Хотя, конечно, кто знает... Смотри, коллега, зачем лезть. Если по зубцам попрыгать, это одно. А вот если...

– Ну да, – сказал Алешка. – Если за свободу и независимость... Тогда, конечно. Но я бы все равно что-нибудь другое придумал. – Он немного призадумался, будто ему прямо сейчас на приступ идти, но сказал совсем другое: – Афанасий Ильич, я вот только не совсем вас понял про монахов. Они ведь мирные люди. Молятся богу, никого не обижают... Как же они в своих... этих... капюшонах до пят еще и сражаются?

– Ты хотел сказать – в рясах? А вот и сражаются. Вы здесь, коллега, немного заблуждаетесь. Уж если монах взял в руки вместо посоха острый меч – берегись, супостат! Монахи – лихие воины, они даже специальную подготовку проходили. Александра Пересвета помнишь?

Алешка важно кивнул:

– Куликовская битва. Тыща триста восьмидесятый год.

– Он ведь тоже монах был. Из Троице-Сергиева монастыря. А как сражался в поединке!..

О! – архитектор взглянул на часы. – Мне пора, коллеги.

Он собрал свои находки в сумку, снова раскурил трубку и пошел к воротам, дымя как паровоз.

Оказалось, что Афанасий Ильич живет рядом, в Пеньках. Снимает там комнату с окнами в сад. У той самой бабули, которая вяжет во сне всякие шерстяные изделия.

Мы пошли его проводить, очень кстати вспомнив про ведро из-под яблок. Оно так и стояло в воротах, одинокое такое, пустое, с мятыми боками.

– Козу Ваську, – говорил уже на местные темы Афанасий Ильич по дороге в деревню, – я тоже очень боюсь. Беспринципная какая-то. Ей все равно, кого бодать. Однажды даже на мотоцикл участкового напала. Бак ему пробила.

– Участковому? – ахнул Алешка, наверное, бак с боком спутав.

– Мотоциклу. Участковый деда Степу за это оштрафовал и теперь в деревню ездить боится – вдруг дед козе пожаловался... А вот местный доктор, Иван Павлович, – интересный человек. Творческая натура. Он не ограничивает свою врачебную деятельность горчичниками, градусниками и клизмами. Он все время что-то изобретает, всякие новые лекарственные препараты. Он у себя в саду, в самом дальнем тенистом уголке целую научную лабораторию организовал, в сарайчике. И создает там новые лекарства...

– И на своей корове их испытывает? – вдруг догадался Алешка.

– Когда на корове, когда на жене. Она его преданный соратник.

– Корова? – спросил Алешка.

Архитектор рассмеялся:

– Пожалуй, и корова тоже. Но я в данном случае Ирину Петровну имел в виду.

Что-то тут в моей голове забрезжило, какая-то смутная догадка. Но как забрезжила, так же быстро увяла и загасла.

Мы попрощались с архитектором у бабулькиной калитки, договорились о новой встрече в монастыре, и он подарил «коллеге» Алешке свое бесценное ядро с пожеланием новых археологических открытий. И мы пошли к синему дому с белыми наличниками, гремя ведром, в котором с грохотом катался тяжелый чугунный шар, вспоминая, наверное, свою боевую горячую молодость.

Глава VI ГРАНАТЫ К БОЮ!

Ирина Петровна, когда мы к ней пришли, на этот раз не спала и даже не зевала. Она стояла в глубине двора и держала за рога симпатичную, пеструю, как спаниель, корову. А человек в белом халате и белой шапочке делал ей (корове, конечно) укол в... заднюю ногу, можно сказать. Корова, повернув к нему печальную морду с карими глазами в длинных ресницах, молча и грустно смотрела на него, будто хотела сказать: «Когда же это кончится, Ваня?»

Попробовал бы он козе Ваське какой-нибудь укол сделать!

– Все, все, Милка, – сказал доктор и похлопал корову по круглому пятнистому боку. – Иди спать.

Корова легонько, вежливо так выпростала свои рога из рук Ирины Петровны, повернулась и, вздохнув, послушно побрела в сарай.

Оказывается, мы брали молоко и яблоки там, где делать этого нам не советовали – в доме доктора.

– Сегодня Милку не доить! – распорядился доктор. – А утреннее молоко – мне в лабораторию, на анализ. А вы чего? – он повернулся к нам. – Простудились?

– Мы ведро принесли, – сказал я.

– Зачем нам ведро? – удивился доктор. – У нас своих полно.

– Это я им давала, – объяснила Ирина Петровна. – С яблоками. Еще возьмете? – Это она нас спросила.

Мы подумали и согласились.

– Только ведро верните, – опять напомнила она на прощанье.

Мы поблагодарили, попрощались и потащили ведро к своей любимой палатке.

Алешка был задумчив. Он машинально грыз яблоко за яблоком и о чем-то усиленно размышлял, даже лоб морщил.

Не зря папа говорит, что у Алешки какой-то там аналитический ум. Он, говорит папа, мыслит нестандартно. И делает всегда свои выводы – дикие, но симпатичные, как сказал Карлсон. Если, к примеру, прилетают птицы, то кто-то скажет: «Весна!», а Алешка подумает и скажет: «А может, их просто кто-то спугнул?» И чаще всего оказывается прав...

На самом краю деревни, из густых кустов, появилось вдруг на нашем пути непреодолимое препятствие. В виде козы Васьки. Она и не думала удирать в далекие леса.

Коза стояла посреди дороги в боксерской стойке. Или как бегун на старте. Голова опущена рогами вперед, ноги напряжены, хвостик подрагивает от предвкушения большого удовольствия.

Мы остановились и огляделись – где же ее хозяин, дед Степа? И не сразу заметили, что он сидит, свесив ноги, на толстой ветке придорожной ветлы. Дед болтал ногами – ветка поскрипывала – и хихикал, тоже очень довольный. Ну и Пеньки!

– Ща она вам задаст! – сказал дед. Ему Васька, видно, уже задала. – И скомандовал: – Фас!

Коза ринулась на нас, как камень из рогатки. Но Алешка не растерялся. Выбрал из ведра самое большое и крепкое яблоко, взвесил его в руке. И когда Васька, пыля копытами и азартно задрал хвост, приблизилась на хорошее расстояние, Алешка точно и смачно вlepил ей в нахальный лоб, прямо между рогами, зеленое яблоко. Оно брызнуло во все стороны, словно взорвалось. А Васька, от неожиданности затормозив сразу всеми копытами, позорно вильнула в сторону и скрылась в кустах.

Хорошо еще, что Алешке в ведре яблоко попало, а не чугунное ядро XVI века.

– Так ей и надо! – взвизгнул предатель-дед и так подскочил на ветке, что она треснула и рухнула на землю.

Справедливость восторжествовала!

Мы помогли деду выбраться из ветвей. Он оглядел себя, ощупал и остался доволен:

– Во грохнулся, да? Давно я так не падал.

Мы тоже подумали, что давно, лет шестьдесят, не меньше.

– И что с ей делать? – дед развел руками. – Продать, что ли?

– А вы ее к доктору сводите, – посоветовал я. – Пусть он ей какой-нибудь усмирительный укол сделает.

– Еще чего! – взвыл дед. – Она и так с придурью. Чего он ей там вколет? Еще лаять начнет! Или песни петь! Ну его, обойдемся. Яблочком-то угости, – попросил он Алешку.

По глазам братца я понял, что за такие шуточки он и впрямь с удовольствием угостил бы деда яблочком. Как и его козу. Прямо в лоб. С удобного расстояния... Но пожалел все-таки – то ли дедов лоб, то ли красивое яблоко.

Мы забрали ведро и постарались поскорее удрать из этих одичавших Пеньков с их лающими козами и поющими коровами.

– Добыткики явились! – провозгласил папа.

Они с дядей Федором занимались благоустройством нашего походного лагеря. Даже ямку для мусора выкопали. Похоже, что мы застряли здесь надолго. Потому что дядя Федор, поворачивая под нос, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.